

Щепотка корицы, чёрный кот и злые духи!

Кэлин Джозефсон

Рэ́йвенфолл

Гостиница с характером

Кэлин Джозефсон
Рэйвенфолл. Гостиница
с характером
Серия «Рэйвенфолл. Фэнтези
с щепоткой корицы», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70064653

Кэлин Джозефсон. Рэйвенфолл. Гостиница с характером: Эксмо;

Москва; 2024

ISBN 978-5-04-196727-7

Аннотация

ПРАВИЛА ГОСТИНИЦЫ «РЭЙВЕНФОЛЛ»:

1. Не вредить дому – он отомстит.
2. Если заблудишься, позови чёрного кота.
3. Если с тобой заговорит зеркало, не отвечай!
4. Если тебе грустно, выбери: эрл-грей или горячий шоколад с тыквой.
5. Сначала пирог, потом паника!

Именно сюда приехал четырнадцатилетний Колин, мальчик, который очень нуждается в помощи! Смогут ли владельцы «Рэйвенфолла» помочь ему? И какие тайны ему предстоит узнать о гостинице, семье, которая ей владеет, и о самом себе?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	41
Глава 4	52
Глава 5	62
Глава 6	70
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Кэлин Джозефсон Рэйвенфолл. Гостиница с характером

Kalyn Josephson

RAVENFALL

Copyright © Kalyn Josephson, 2022

This edition published by arrangement with Laura Dail
Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency

Иллюстрации на обложке и в блоке, леттеринг *Натальи
Динер*

© Дёмина А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*Моей сестре Адриане,
научившей меня ценить моё сердце*

Глава 1

Анна

В темноте всё выглядит иначе.

Днём балльный зал «Рэйвенфолла» с его переливающимися витражами и высоким арочным потолком служил идеальным местом, чтобы рисовать здесь часами напролёт. По ве-

черам же наша семейная гостиница превращалась в минное поле из смеющихся постояльцев, дружелюбных местных и, насколько я могла судить, минимум одного оборотня рядом с фруктовым пуншем (судя по тому, как он налегал на кубики сырого мяса).

Я ничего не имела против толпы, если бы необходимость избегать в ней физических контактов не была настолько невыполнимой задачей. Незадолго до моего тринадцатилетия во мне пробудились психометрические силы – завуалированный способ сказать: «Поздравляем! Получи видения смерти!» В тот момент я как раз лавировала в толпе в погоне за нашим котом Максом, пока он не вытворил очередную шалость с кем-нибудь из гостей.

Сейчас же я пряталась за цветком в кадке.

Вы скажете, никому в голову не взбредёт податься в тёмный угол, оккупированный поющим плющом – сейчас шелестящим мелодией «Мерцай, мерцай, маленькая звёздочка» и пытающимся обернуть свои багровые лозы вокруг моей лодыжки, – и однако же, мне уже три раза пришлось уклоняться от забредших сюда гостей.

Правда, бальный зал «Рэйвенфолла» действительно был забит под завязку. На дворе стояла середина октября, и это означало, что до Самайна и главной вечеринки в году, которую организовывала моя семья, оставались считанные дни, хотя половина собравшихся здесь понятия не имели, что именно кельтские традиции Самайна легли в основу празд-

нования Хэллоуина или что по этой же причине правильнее говорить «Сауин».

Но в городке Уик штата Орегон, где магия всегда на расстоянии вытянутой руки, Хэллоуин считается главным торжеством в году, а «Рэйвенфолл» – главным местом для его празднования. Наша вечеринка в честь Самайна в конце октября – это единственное время года, когда дом опускает магический барьер и открывает свои двери абсолютно для всех, начиная с местных ведьм и заканчивая живущими в лесу Холлоуторн шелки¹. Разумеется, под прикрытием чар гламура. Потому что у приезжих должен быть повод для разговоров, а не для панического бегства из города.

Дом никогда не скупился на украшения, превращая белый каменный потолок двухэтажного зала в закручивающуюся галактику из пастельно-розовых, голубых и жёлтых звёзд. Блестящий туман собирался в углах и спускался вниз спиральными лентами.

Когда плющ переключился на мои волосы (что для кудрей категорическое «нет»), я перебежала вдоль стены за фуршетный стол, где в этот момент дом активно пытался впихнуть обескураженному посетителю ломтик тыквы, украшенный маленькими оранжевыми звёздочками из глазури. Интересно, как долго тот всматривался в воздух в поисках нитей, которых там нет? Местные магические существа давно пере-

¹ Шелки – мифические существа из шотландского фольклора, морской народ, люди-тюлени. (Здесь и далее прим. ред.)

стали обращать на это внимание – дом был способен двигать любые неживые объекты внутри себя при условии, что они хотя бы раз его касались.

Я была на полпути к следующему укромному уголку за баром, когда заметила своих старших сестёр, разговаривающих с мистером и миссис Андраде рядом с балюстрадой лестницы на второй этаж. Они смеялись. Семейная пара владела приютом для животных в центре Уика – ну знаете, всякие кошки, собаки, карманный дракон для более магически продвинутых. Кара наверняка пользовалась телепатией, а её близняшка Роуз – эмпатией, чтобы развлекать своих собеседников. Местные, знающие об их способностях, часто старались скрыть свои мысли от Кары или эмоции от Роуз, чтобы проверить, смогут ли сёстры их «прочитать».

Меня кольнула зависть. Я бы тоже хотела забавлять местных или предсказывать судьбы, но, в отличие от остальных членов семьи, моя психометрия бесполезна. Когда я касаюсь кого-то, наблюдавшего смерть, я вижу всё как воспоминание этого человека. А вопросы из серии «А помнишь, как он тогда умер?» – не самый удачный способ расположить к себе собеседника.

В целом я привыкла к видениям. Когда вся твоя родня – экстрасенсы, кровь и чудовища становятся неизменными атрибутами твоей жизни, особенно в Уике. Но порой я касаюсь кого-нибудь, кто наблюдал по-настоящему ужасную смерть, и после неделями не могу выбросить это из головы, кошма-

ры не дают мне спать по ночам, сколько бы лаванды бабушка ни прятала под мою подушку.

Поэтому сегодня я была твёрдо намерена держаться своего плющевого угла. Но мои планы пошли под Максов хвост.

Близнецы заметили меня и, попрощавшись с супругами Андраде, нагнали у стены.

– Опять ищешь лёгкие пути, Анна? – спросила Кара, как всегда старающаяся меня задеть.

– Ты боишься? – В отличие от неё, Роуз всегда само сопереживание и доброта. Конечно, с её способностью чувствовать чужие эмоции ей достаточно одного взгляда на меня, чтобы получить ответ на свой вопрос.

Они на пять лет меня старше и заметно выше, а сейчас в своих переливающихся серебристых платьях и туфлях на шпильках в тон они нависали надо мной как небоскрёбы. Сёстры понимающе переглянулись, и мне ужасно захотелось познакомить их красивые платья с поющим плющом. Они очень разные, насколько это вообще возможно с разнояйцовыми близнецами, начиная с их способностей и заканчивая характерами, но они всегда знают, что у другой на уме. И это не беря в расчёт нечестное преимущество Кары.

– Вы прекрасно знаете, что я не могу пойти в глубь зала, – проворчала я, сунув руки в карманы платья. Кара всегда говорила, что карманы на платье – это безвкусица и упущенная возможность захватить с собой милую сумочку, но других я не ношу. А вдруг я найду в лесу горсть пыльцы фей? Мне

что, повсюду таскать с собой сумочку?

– Нельзя быть настолько неуверенной в себе. – Роуз рассеянно закрутила на пальце рыжую прядь. – Не прячься от своих сил, Анна. Прими их как данность.

– Как мы. – Кара с хищной ухмылкой кивнула проходящему мимо мужчине. – Например, вон тот мужик. Сегодня он забыл надеть нижнее белье.

– О, – тихо выдохнула Роуз. – Он сконфужен.

– А та женщина – банши². – Кара указала на бледную женщину на другом конце зала, подозрительно близко следующую за пожилым посетителем гостиницы. Сестра лукаво на меня покосилась. – Но я, конечно же, пойму, если тебе страшно...

Я сердито на неё сощурилась:

– Вовсе нет.

Кара откинула волосы с плеча.

– Спорим, ты и минуты не выдержишь на танцполе?

– Это мы ещё посмотрим! – И я нырнула прямо в толпу.

И тут же прыгнула вбок, чтобы избежать столкновения с вальсирующей парой, а затем поднырнула под рукой болтающей с кем-то женщины, широко жестикулирующей кружкой с тыквенно-корневым пивом. Добравшись до небольшого просвета в центре зала, я притормозила и оглянулась в поисках пути спасения. Я доказала свою правоту, и теперь

² Банши – в ирландской и шотландской мифологии фея, предвещающая своим жутким криком смерть.

пора убираться отсюда, прежде чем...

Чья-то рука скользнула по моей, и я ахнула. Тело обдало уже знакомым, но всё ещё непривычным холодом от пробуждённой силы. Зрение затуманилось, и внезапно перед глазами стало прокручиваться чужое воспоминание. По сравнению с прошлыми видениями, которые меня посещали, это было странно искажено, будто я наблюдала за происходящим через мутную воду.

Я в номере мотеля. Рядом со мной стоит мужчина, но всё моё внимание сосредоточено на другом мужчине, привязанном к стулу передо мной. Его бледное лицо в синяках, но серые глаза смотрят дерзко и непоколебимо. Он не рассказывал ничего о том, что меня интересует. У его ног лежит женщина с ярко-рыжими волосами и остекленевшими зелёными глазами, смотрящими в никуда. Она тоже не пожелала отвечать на мои вопросы.

Мужчина рядом со мной пихает меня в бок, и я делаю шаг в сторону и кланяюсь. Его голос похож на шорох осенних листьев, от него едва уловимо пахнет сосной. Я не могу разобрать ни слова. Он стискивает пальцы вокруг шеи привязанного мужчины. Его ладонь светится золотом, и это сияние вырывается из горла пленника и разносится по его венам на руках.

Затем входная дверь номера открывается.

На пороге стоит мальчик лет четырнадцати, за ним –

юноша постарше. Мальчик, вскрикнув, роняет ключ. Сияние гаснет, и голова убитого золотым светом безвольно падает ему на грудь.

Я прыгаю на мальчика и сбиваю его с ног. Мы боремся на полу. Он сбрасывает меня с себя, но я успеваю ранить его ножом в плечо. Я слышу жуткий звук и, перевернувшись, вижу, что между рёбрами другого мужчины тоже торчит нож. Он пытается вылезти из окна. В этот момент юноша достаёт ещё один нож и бросает, попав ему в плечо.

Ощущение холода покинуло меня так же внезапно, как появилось, и я пришла в себя посреди бального зала, сидя на полу и прерывисто дыша. В кого бы я ни врезалась – кто бы ни был источником этого видения, – этот человек успел скрыться.

Роуз и Кара с одинаковыми обеспокоенными лицами помогли мне подняться.

– С тем мужчиной что-то не так, – задумчиво сказала Роуз.

– Я не смогла прочесть его мысли. – Кара рассеянно смахнула с юбки налипшие на неё блёстки в форме звёзд. – Анна?

Но я их едва слышала. Перед моими глазами стояли лица тех убитых в номере мотеля.

– Анна? – мягко повторила Кара, но я лишь помотала головой и, высвободившись, бросилась вон из зала.

Мой карандаш летал над страницей, стараясь запечатлеть выражение лица убитого мужчины. Его глаза мне никак не давались: та особая пустота смерти, как огонёк свечи, потушенный собственным расплавленным воском, упорно от меня ускользала. Я смазала пальцем штриховку его радужек, из-за чего они стали серыми, как сталь, и более призрачными.

– Всё равно не то, – пробормотала я. – Да и зачем ему глаза? Кому они вообще нужны?

Я отбросила альбом в сторону, едва не сбив стоящую на кухонном столе кружку с чаем «эрл грей». Он скользнул за край, но один из стульев сдвинулся вбок, не дав ему упасть на пол. Я вяло взмахнула рукой, благодаря дом, и уронила голову на стол. Обычно рисование помогало мне справиться с видениями, но эти образы по какой-то причине не желали меня отпускать.

– Это было ужасно, – сказала я Норе. – Так же ужасно, как

когда Макс поймал ту фею, пытавшуюся отравить всё в саду.

Фея выжила, но в саду до сих пор оставался маленький участок земли, где ничего не росло из-за пролитой тогда крови.

– Тебе было три – как ты можешь это помнить? – Мама даже не оторвалась от надраивания и без того сверкающих чистотой шкафчиков.

Их деревянная поверхность практически сияла в золотисто-красном свете солнца, но уборка после вчерашней вечеринки сильно подпортила настроение дому, а первым средством для его поднятия было натирание до зеркального блеска кухонных шкафов и кружка «эрл грей». Дом и сам мог их себе организовать, но это всё равно что самому массировать себе плечи.

– Я губка смерти, – буркнула я в стол.

Нора вздохнула. Она выглядела усталой, возможно, её опять всю ночь мучила мигрень.

– Ты разглядела чьё-нибудь лицо, губка?

– Нет, видение было странным и размытым.

Я принялась царапать уголок одной из многих пар инициалов, вырезанных на поверхности стола, когда дом вдруг утянул её подальше от моего ногтя. Я едва не упала со стула и сердито воззрилась на ближайшую стену, пока дом неохотно не вернул инициалы на место. Не моя вина, что это старое дерево всё в метках от ножа.

Нора задумчиво хмыкнула:

– Такое бывает, когда рядом задействована мощная магия.

– Тому человеку, в кого я врезалась, было совершенно наплевать на их смерть, – добавила я, передёрнувшись.

Тот мужчина умер не сразу. Смерть вообще не такая, какой её изображают в фильмах. Пули не всегда убивают мгновенно и не оставляют достаточно времени, чтобы несчастный сумел произнести последние слова. Смерть никуда не спешит, она липнет к одежде, как дым от костра, и после каждого видения меня преследовало острое желание смыть её с себя.

Руки Норы замерли, и она повернулась, глядя на меня большими карими глазами. Это наш старший брат завёл привычку называть её по имени, а мы с близнецами её подхватили, и теперь нам уже казалось странным говорить ей «мама».

– Мне очень жаль, дорогая, – сказала она. – Я знаю, как эти видения тебя гложут, но скоро ты с ними освоишься. Немного терпения.

С того момента, как моя способность впервые проявилась пару месяцев назад, в день моего тринадцатилетия, родители из кожи вон лезли, чтобы убедить меня, какая она замечательная, но я совершенно этого не понимаю. Какой смысл рассказывать людям о том, что они и так знают? Я не могу чувствовать чужие эмоции, как моя сестра Роуз, или видеть ауры и призывать духов, как тётя Элейн. Из всей нашей семьи лишь от моей силы нет никакого проку.

Гостинице от меня столько же пользы, сколько вампиру –

от солнца.

Нора выпрямилась и упёрлась руками в бока:

– Случившееся с теми людьми ужасно, но это видение могло быть десятилетней давности.

– Может, я могу помочь найти преступников? – спросила я. – Если расследование застопорилось.

Нора нахмурилась, и я поморщилась. Она ко многому относилась очень серьёзно, но я наступила на самую большую мозоль, предложив рассказать о наших способностях людям, не знающим о магии. Мы не то чтобы скрываем их всеми правдами и неправдами – уж точно не живя в Уике, – но даже здесь обычные люди верят в магию так же, как некоторые дети – в Санта-Клауса: для них всё это несерьёзно. Если старина святой Ник вдруг залезет к ним домой через печную трубу, они вызовут полицию, поэтому все волшебные жители округа изо всех сил стараются вести себя тише воды ниже травы.

Большинство гостей «Рэйвенфолла» заселяются сюда ради наших экстрасенсорных способностей, но верить в их существование где-то там, вне твоей обыденной жизни, и наблюдать их воочию – это совсем разные вещи. Многие так и уезжают, уверенные, что всё это обман и фикция, а те, кто действительно открыт необъяснимому, не станут болтать об этом на всех углах, иначе они станут жертвами Косого Взгляда – ну знаете, когда люди собирают лицо в кучку и театрально дёргают бровями, услышав от тебя что-нибудь из серии

«Я вчера общалась с моим умершим дедушкой».

Мне это очень знакомо.

– Тебе прекрасно известно, что мы не вмешиваемся в подобных ситуациях, Анна, – сурово сказала Нора. – Если поползут слухи, люди начнут задавать вопросы, на которые мы не сможем ответить, а подобное ещё никогда ничем хорошим для нашей семьи не заканчивалось.

– Но я хочу узнать, что произошло! – возразила я. – Мне нужно это узнать!

Стена позади меня громко скрипнула, как если бы дом переместил часть своего веса.

– Слышишь? Даже дом согласен, – ткнула я большим пальцем себе за спину. Эта стена уже давно нуждалась в свежем слое краски, но дом был категорически против. Как утверждала Роуз – боялся щекотки.

– Дом во всём с тобой соглашается, дорогая. Ты единственная, у кого есть на него время.

У меня было время на дом, потому что никто не приезжал в «Рэйвенфолл» ради моих сил. Пока Нора предсказывала будущее, близнецы «читали» людей, а тётя Элейн беседовала с духами, я подметала террасу и гоняла спрайтов³ из сада. Если бы от моей способности была кому-то польза, если бы я не чувствовала себя чужой в родном доме...

Всё усугублялось тем, что именно мне предстояло унаследовать гостиницу. Нора никогда не проговаривала это вслух

³ Спрайт – мифическое существо, похожее на крошечного эльфа.

– но кто ещё это мог быть? Старший брат собирался преподавать физику в Массачусетском технологическом институте и найти своим силам научное доказательство, близнецы уже получили стипендии в колледж. Осталась только я.

Скучная бесполезная я.

Вертя в руках кружку с «эрл греем», я снова и снова прокручивала в голове сцены из вчерашнего видения в надежде зацепиться за что-нибудь новое. Кто эти люди? Почему этих несчастных убили?

Звон разбившегося фарфора заставил меня подпрыгнуть. Кружка с чаем упала со стола. Нора смотрела на меня невидящим взором. Перед ней, разлетевшись в форме ровного полумесяца, лежали осколки цвета высохшей крови.

Я вздохнула, сожалея о потере одной из любимых чашек. Но она была не первой жертвой способностей нашей семьи – и далеко не последней. Однажды наш дядя поджёг свой любимый диван, а бабушка так вообще регулярно забывает про парящие под потолком вещи. Глаза Норы всегда напоминают зомби, когда её посещают видения, и если в этот момент она что-то держит в руках, этот предмет проходит проверку на столкновение с гравитацией.

Я люблю магию, но жизнь в семье экстрасенсов порой может сильно раздражать.

Нора быстро заморгала, что означало окончание видения.

– О...

– Что ты видела?

– Кровь, – мрачно ответила она. – И нового гостя.

Стоящие у стены совок и небольшая метла вспорхнули и принялись подметать осколки. Мама отошла в сторону, чтобы им не мешать.

– Яснее не стало, – буркнула я.

Некоторые видения Норы чётки и понятны, как если бы она смотрела в хрустальный шар, а другие оставляют после себя лишь общие образы и ощущения. Эти её слова могли означать что угодно. Сколько бы я ни жаловалась на свои силы, но мои видения, по крайней мере, намного конкретнее.

Она пожала плечами, будто спрашивая «А что я могу поделать?», и подобрала полный совок.

– Давай так: раз тебя это так сильно беспокоит, я постараюсь разузнать о том, что ты видела. А ты пока сделаешь мне одолжение и покормишь Макса, пока этот гость не прибыл. Ты же знаешь, как он реагирует на кровь.

– На этой неделе Макса кормит Кара.

Нора демонстративно вздохнула, как бы безмолвно намекая, что я всё усложняю:

– У твоей сестры сегодня несколько клиентов подряд. У неё сейчас нет времени на дела по хозяйству.

Ну конечно. Раз остальные члены нашей семьи способны развлекать гостей и зарабатывать с помощью своих способностей, то кто же ещё больше всех подходит на роль бесплатной прислуги?

– Пожалуй, я наряжусь на этот Самайн Золушкой, – ска-

зала я. – Или рыжей падчерицей.

Она не засмеялась:

– Это нечестно, Анна. Неужели так сложно покормить Макса?

Спорить с Норой было всё равно что просить реку сменить русло, к тому же не сосчитать, сколько раз мы спорили на эту тему. Что не мешало мне всегда надеяться услышать: «Ты права, Анна, сегодня ты будешь общаться с гостями, а Кара всё сделает по хозяйству».

– Да мне всё равно.

Сделав вид, что я не вижу её осуждающе нахмуренных бровей, я вышла через боковую дверь на опоясывающую дом террасу. Каштановые доски приятно грели босые ноги, несмотря на туман, который даже послеполуденное солнце не сумело до конца разогнать. Дом удовлетворённо вздохнул, расслабляя под тёплыми лучами свои разномастные интерьеры и неровные полы.

Кто-то уже начал украшать его к Самайну: на внешней стороне кухонной двери висел осенний венок из маленьких белых тыкв, коричневых листьев и подсолнухов, а перила кованого ограждения террасы обвивала гирлянда, питаемая, если верить бабушке, настоящей пылью фей. Разломи один такой огонёк и загадай желание – и оно сбудется, но только если речь идёт о чём-нибудь незначительном: например, ты ищешь потерянный носок или хочешь подсластить чай.

Просить их сделать что-нибудь по хозяйству бесполезно,

я пробовала.

Ещё пару месяцев назад у меня бы и в мыслях не возникло спорить из-за домашних обязанностей – я люблю жить в нашей гостинице и даже люблю работать здесь наравне с родными. Но теперь, обретя силу, я хотела приносить пользу как полноправный член «Рэйвенфолла», а не как ещё одна пара рук. Но для этого мне необходимо доказать, что и от моей способности может быть толк.

Вот если бы мне удалось помочь тому мальчику, открывшему дверь номера... Я не разглядела его лица, но если раз узнаю об убитых там, это может вывести меня на его след. И тогда моя способность послужит чему-то стоящему, и Нора убедится, что я способна на большее, чем просто заниматься хозяйством.

Мимо моей головы пролетел сгусток света.

Блуждающий огонёк завис передо мной, ослепив, как фара, затем обогнул меня по кругу и стрелой умчался в лес Холлоуторн.

Нахмурившись, я проводила его взглядом.

«Рэйвенфолл» стоял в точке, где Завеса, отделяющая Потусторонний мир, он же царство духов, была сама по себе очень тонкой, а с приближением конца октября истончалась всё больше и начинала пропускать духов и других существ в мир людей – но я не ожидала увидеть блуждающие огни раньше следующей недели.

Надо поговорить об этом с бабушкой.

Моя охота на Макса затянулась намного дольше, чем я рассчитывала. Дом пытался помочь, стены стонали в определённых местах, подсказывая направление, но Макс обожал его доводить, и к тому моменту, как я добиралась до нужной точки, он успевал сбежать.

В итоге я отправилась на кухню за сырым стейком. Мясо было холодным и скользким, но меня это не пугало.

– Еду получишь на улице, Макс, – предупредила я.

Пожилая супружеская пара, стоящая перед входной дверью, испуганно заморгала и прижала к себе чемоданы.

– Не беспокойтесь, Макс ест только то, что уже умерло, – заверила я их.

Мужчина с перепуганным видом выпрямился, и меня запоздало осенило, что эта фраза звучит намного обнадеживающе у меня в голове, чем произнесённая вслух. Смутившись, я пробежала мимо них и постаралась выбросить это из головы. В Уике можно увидеть гораздо более странные вещи, чем идущая по коридору девочка с сочащимся кровью куском мяса в руке, к тому же я давно оставила попытки познакомиться с постояльцами. И вообще с кем бы то ни было.

Кому нужны друзья, если у меня есть дом и Макс?

– Выходи или я сама всё съем! – пригрозила я, выйдя на террасу.

Чувствуя, как по ладони течёт сок, я вытянула руку, чтобы он не попал на одежду. Моим старым джинсам как раз не хватало одной финальной капли, чтобы загадочно испарить-

ся и отправиться стараниями Норы в стирку.

Из леса, окружающего дом, выбежал чёрный силуэт. Макс пытался представить всё так, будто он и не заходил внутрь, но меня было не так-то легко провести.

До моих ушей долетел рокот автомобильного двигателя, и моё внимание с Макса временно переключилось на свернувшее на подъездную дорогу такси. Оно остановилось перед крыльцом, водитель с улыбкой замахал, но меня намного больше интересовал незнакомый мальчик на заднем сиденье. Это его появление предвидела Нора?

Он вышел из машины с небольшой дорожной сумкой в руке.

Первое, что я в нём отметила, это его глаза – поразительного ярко-серого оттенка.

А потом я заметила кровь.

Глава 2

Колин

Первое, что я увидел, был дом.

Огромный, с преобладанием готического стиля – все эти угловатые арки и витражи со шторами из плюща, – в безумном сочетании с викторианскими башенками, сужающимися

кверху четырёхугольными колоннами и средневековой резьбой по камню. Все эти детали мне знакомы из журналов об архитектуре и дизайне, которые я любил пролистывать по ночам, когда остальные члены моей семьи уже спали.

Я часами представлял, как буду снова жить в своём доме, а не переезжать каждые несколько недель из одного дешёвого мотеля в очередную пахнущую плесенью съёмную квартиру, что мы делали последние семь месяцев – спасибо программе защите свидетелей.

Второе, что я увидел, была девочка со смуглой кожей, светлыми волосами, карими глазами и в пушистом свитере размера на два больше, чем нужно, с буквами «Скоро буду» спереди. В руке она держала кусок сырого мяса и не моргая смотрела на меня. Небольшой чёрный кот, встав передними лапами ей на ногу, старался дотянуться до мяса.

Всё это было так странно, что я чуть не запрыгнул назад в такси, но я и так потратил два дня и остатки наличных Лиама, чтобы добраться сюда из Монтаны. Лиам отправил меня сюда не просто так.

От мыслей о нём сердце забилося быстрее, и я посмотрел по сторонам, надеясь, что он уже здесь и ждёт меня. Он погнался за двумя мужчинами, вломившимися в наш номер пару дней назад, но перед этим взял с меня слово, что если к вечеру не вернётся, на случай, если мы по какой-то причине разделимся, я по наказу родителей отправлюсь в условленное место – в гостиницу «Рэйвенфолл».

Поток воспоминаний застопорился на родителях, на мамином неподвижном теле на полу и папиной поникшей голове – как если бы он просто заснул, сидя на стуле.

Последние семь месяцев мы постоянно переезжали, убегая от охотящихся на нас людей, и за всё это время родители так и не объяснили мне, кто они и что натворили. И теперь уже никогда не объяснят.

Только бы Лиам был в порядке. Я не выдержу, если и его не станет.

– Ну, береги себя! – бросил таксист, торопливо вырвав назад на дорогу.

Я его не винил. Едва ли он поверил в мою историю про «поездку к тётё», а учитывая засохшую кровь на моей фланелевой рубашке, он наверняка понял, что у меня неприятности.

И он прав. Хотя я понятия не имею, из-за чего.

Я даже не знаю, почему родители настаивали именно на «Рэйвенфолле». Я один раз пробил его в поисковике. Их сайт представлял собой фотографию гостиницы и бесполезную информацию, что ею управляет семья экстрасенсов. Я знал, что она находится в Орегоне, поэтому доехал на автобусах до Портленда, а там сел в такси. Поскольку навигатор водителя не знал города Уик, добирались мы сюда по бумажной карте из чрезвычайной сумки, расставаться с которой родители мне запретили.

После нескольких часов езды через лес – хотя, если су-

дить по карте, путь просто физически не мог занять столько времени, – перед нами неожиданно возник город, производящий впечатление такой же неотъемлемой его части, как осенние листья и бугрящиеся из земли корни толщиной с мужское бедро. Воздух в нём был как перед самой грозой – тягучий и заряженный.

Как я сейчас.

Я задержал дыхание, стараясь переключить внимание на жжение в горле от нехватки кислорода со злости и с печали, грозящих меня поглотить. Лиам никогда не терял контроль над эмоциями. Он всегда был как скала, и эти последние месяцы я делал всё, что в моих силах, чтобы стать таким, как он, и не быть обузой ни ему, ни нашим измотанным родителям.

А теперь мне тем более нужно следовать его примеру, если я надеюсь когда-нибудь выяснить, кто их убил.

Когда я снова к ней повернулся, девочка продолжала на меня смотреть, но мясо уже лежало на земле, и его с жадностью уплетал кот.

У неё что... кровь в волосах?!

«Это от стейка», – сказал я себе, поднимаясь по ступенькам, по бокам которых лежали ярко-оранжевые и белые тыквы, вдоль увитых плющом железных перил высились пожелтевшие снопы кукурузных побегов, а рядом с парадным входом стояло чучело, и я чуть не споткнулся, когда его руки с шорохом качнулись.

«От ветра», – подумал я, стыдя себя за глупый страх. Лиам не для того последние семь месяцев учил меня рукопашному бою, чтобы я боялся чучел. Я должен был уметь постоять за себя, если наши преследователи нас найдут. Но что я сделал, когда это случилось? Снова бросился в бега.

– Привет, – поздоровалась девочка. Её улыбка была из тех, которые отражаются в глазах. Мама тоже так улыбалась.

– Привет. – Я переступил с ноги на ногу. – Это... э-эм... гостиница «Рэйвенфолл»?

– Она самая. Я Анна.

– Колин. Приятно познакомиться. – Я протянул ей руку.

Она посмотрела на неё, но пожимать не стала. Сгорая от неловкости, я опустил руку и снова переступил с ноги на ногу. У неё был обескураживающе пронизательный взгляд, будто она знает обо мне больше, чем я сам. Возможно, так и было. Вдруг она умеет читать мысли и знает, о чём я думаю? Поморщившись, я прогнал эти глупые мысли.

Экстрасенсов не бывает.

Анна снова улыбнулась. Она продолжала не моргая на меня смотреть, но у меня возникло ощущение, что её взгляд направлен не на меня, а сквозь меня. Всё это начинало действовать мне на нервы.

И вдруг кот на меня прыгнул.

– Ха! – Анна перехватила его в воздухе и крутанулась на месте. – Так и знала, что ты это сделаешь! – торжествующе воскликнула она, держа кота на вытянутых руках. – Ты ста-

новишься предсказуемым.

Кот подавленно обмяк. Я не знал, что коты могут выглядеть подавленными.

– Счёт один-ноль не в пользу Макса! – Анна поставила Макса на террасу и, пока тот с неохотой вернулся к сырому стейку, снова обратилась ко мне: – Прости. Он у нас большой любитель подшутить над людьми, и его привлекает кровь. – Она кивнула на моё плечо. – Тебе нужно показаться моей бабушке, пока ты здесь.

Порез перестал кровоточить, но ещё болел. Его мне нанёс один из убийц моих родителей. Лиаму удалось серьёзно ранить второго, и я надеялся, что это поможет ему их нагнать. Они не уйдут безнаказанными – брат об этом позаботится.

– Так и сделаю, – пообещал я, и только тогда до меня дошёл смысл всех её слов. Коты не подшучивают над людьми.

Она снова посмотрела на меня так, что я почувствовал себя не в своей тарелке.

– Нет, не сделаешь.

Верно. Я привычен к ранам. В основном я получал их на боксёрских спаррингах с Лиамом и давно сбился со счёта, сколько раз мы друг друга заштопывали – когда ты в программе защиты свидетелей, процесс получения профессиональной медицинской помощи сильно усложняется. Но брат настаивал, что тренировки необходимы, и он прав.

– Ты хочешь снять номер? – спросила Анна.

Я кивнул:

– У вас есть свободные?

Её взгляд упал на мою старую дорожную сумку, и я опять почувствовал неуверенность: а вдруг они не селят четырнадцатилетних подростков одних? У меня не осталось денег, чтобы устроиться где-то ещё, и Лиам будет искать меня здесь. Я попытался придумать, что бы он сказал на моём месте – у него всегда получается расположить к себе собеседника, он всем нравится, и к нему прислушиваются.

Я так и продолжал стоять неуклюжим столбом, пока Анна снова не улыбнулась и не сказала:

– Есть. Ты один?

– Да. Хотя, может, у вас уже поселился Лиам Пирс?

– Ни Лиамов, ни Пирсов, – ответила она.

У меня оборвалось сердце, но я решил подождать с разочарованием и пошёл за ней в просторный вестибюль с высоким потолком и витражами, изображающими загадочных крылатых существ. В глубине его начиналась широкая лестница, больше подходящая для сказочного замка. Всё это открытое пространство и естественное освещение создавали иллюзию, будто комната дышит и картины на стенах в любую секунду оживут.

И тут входная дверь за моей спиной сама собой захлопнулась.

– Ой, да хватит уже, – не оборачиваясь, упрекнула Анна.

– Это не я.

– Я знаю. Я не тебе.

Я посмотрел по сторонам, но кроме нас в вестибюле были лишь пара гостей, разговаривающих у эркерного окна, и Макс, ожидающий нас у лестницы. Его зелёные глаза озорно поблёскивали.

Когда мы подошли, он притворился, что собирается на меня прыгнуть, и я резко затормозил. Анна усмехнулась:

– Не бойся, это он так шутит.

– Шутит? – переспросил я. – Он же кот.

– И у него крайне убедительно получается им быть.

Возможно, это она надо мной подшучивает. В любом случае у меня не было сил выяснять, и я молча поднялся за ней по лестнице. Сейчас мне хотелось одного – рухнуть в постель и отгородиться от мира, пока не приедет Лиам.

– Несколько основных правил для постояльцев. – Она, не сбавляя шага, показала три оттопыренных пальца. – Первое: не вредить дому. Он отомстит. Второе: не заключай никаких сделок ни с кем в Уике. Ни при каких обстоятельствах. Просто поверь мне. И третье: если заблудишься, позови Макса. – Наверху лестницы она развернулась ко мне лицом. – Ах да! И если зеркало на третьем этаже что-нибудь у тебя спросит – не отвечай. – Анна секунду помолчала, её лицо вытянулось. – А вообще не поднимайся на третий этаж. Он имеет тенденцию исчезать.

Теперь я уже однозначно уверился, что она надо мной подшучивает. Позвать Макса? Исчезающие этажи? Может, у них так здесь заведено, чтобы поддерживать слухи об экс-

трасенсах и привлечь клиентов? Вот только я не в настроении участвовать в этом балагане.

– Что у тебя с плечом? – внезапно сменила она тему, сворачивая в коридор. – И запоминай дорогу: не хочу, чтобы ты ночью блуждал в потёмках, рассчитывая на одного Макса.

Я взглянул на кота, ритмично помахивающего хвостом, и рассеянно потёр плечо:

– Я предпочел бы не полемизировать на эту тему.

Анна покосилась на меня, и я добавил:

– В смысле не обсуждать это.

Уголок её губ дрогнул.

– Ладно. Не будем полемизировать.

Мы сворачивали то в один коридор, то в другой. Внутри дом оказался таким же странным и эксцентричным, как снаружи: какие-то проходы были узкие и с голыми кирпичными стенами, другие – просторными, с высокими потолками и залитыми светом из панорамных окон стенами, оклеенными элегантными обоями с красным как кровь плющом и феями. Эта гостиница вполне сошла бы за лабиринт.

– Почему здесь всё так... по-разному? – не выдержал я, когда мы прошли мимо оконного алькова, задрапированного тёмно-красным бархатом в стиле вампирского поместья. Пожилой мужчина читал там книгу.

– Моя семья здесь живёт очень давно, – ответила Анна. – И каждый что-нибудь добавляет от себя. Дом это ненавидит.

– Ты так говоришь, будто он живой.

Анна остановилась:

– Так и есть.

Мы уставились друг на друга, но я поборол порыв назвать её лгуньей. Наверняка это часть их маркетинговой стратегии: заставить людей врасплох, собирать о них информацию, а затем на её основе делать логичные выводы в подтверждение своих якобы экстрасенсорных способностей. Я видел нечто подобное по телевизору, ещё когда моя жизнь не была бесконечной каруселью из мотелей.

Анна сморщила нос и махнула в сторону последней двери в коридоре:

– Вон твоя комната.

– А ключ?

– Если тебе понадобится, дом запрёт дверь, – с нажимом произнесла она.

Секунду я обдумывал, не высказать ли ей, что я на самом деле обо всём этом думаю, но в итоге ограничился коротеньким «спасибо» и, скользнув мимо неё, захлопнул за собой дверь.

Комната оказалась угловой, две стены занимали витражи с уже знакомыми загадочными мотивами: кони с рыбьими хвостами, призрачные тюлени, феи с заострёнными ушами и большие чёрные псы.

Но это было ещё не самое странное. В кованом изголовье кровати в настоящих подсвечниках горели толстые свечи, а на нём сидел тёмный металлический ворон с наклонённой набок головой.

Обуздав разыгравшееся воображение, я поставил сумку на кровать и расстегнул молнию. Я мало что смог взять с собой, когда мы уехали из Калифорнии семь месяцев назад, но пара сменной одежды была и ещё несколько полезных вещей, собранных за время путешествий. Мои мысли в который раз обратились к моей коллекции книг, брошенной дома, – мы с Лиамом возводили из них целые крепости.

Сев на кровать и стараясь не обращать внимания на боль в плече, я открыл чрезвычайную сумку. В ней лежали зубная

щётка и зубная паста, дезодорант, немного наличных, пара энергетических батончиков, бутылка воды, предоплаченный мобильный телефон, мини-аптечка и карманный ножик. Я также включил в неё потрёпанный словарик, найденный в номере первого отеля (я уже успел добраться до буквы «П»). Так себе развлечение, но неплохо, чтобы убить время. Книги вещь дорогая, к тому же таскать их на себе, когда ты пере-езжаешь каждые пару недель, – то ещё удовольствие. С компьютерами ещё сложнее: родители категорически отвергали всё, что могло помочь преследователям нас выследить – это касалось как мобильных, так и ноутбуков, – к тому же мы в принципе мало что могли себе позволить после того, как папе пришлось переквалифицироваться из медбрата в кассира на полставки, а мама уволилась из автомастерской.

Я быстро уяснил, что чем более заумные слова ты используешь, тем взрослее кажешься, а это очень кстати, когда тебе необходимо убедить мотельного администратора, что в вашем полуночном отъезде нет ничего подозрительного, пока родители утрамбовывают в багажник все ваши пожитки.

Я вытащил бутылку с водой, из-за чего содержимое сумки сместилось, явив кожаный уголок потёртого переплёта. Отставив бутылку, я сдвинул всё вбок и выудил записную книжку с выдавленным на обложке кельтским узлом. Она принадлежала моим родителям и, насколько я помнил, лежала в маминой чрезвычайной сумке.

Но именно ярлычок подтвердил, что это действительно

моя сумка. Тогда как записная книжка здесь оказалась? Я открыл её и пролистал – все страницы были пусты. Но родители по какой-то причине никогда с ней не расставались, и я много раз, просыпаясь, заставлял маму или папу сидящими над ней в свете лампы.

Бросив записную книжку в дорожную сумку, я достал из кармана мамин медальон – серебряный кельтский узел на чёрном шнуре и с маленьким изумрудом в центре. Я забрал его с прикроватной тумбочки, когда покидал мотель.

Тем утром мы с Лиамом откликнулись на объявление по выгулу собаки. Родители запрещали нам выходить на улицу одним, но они были так измотаны, а мне так хотелось чем-то помочь, что я уговорил Лиама пойти со мной. Ему было восемнадцать, и он часто тайком исчезал куда-то по ночам, но я делал вид, что ничего не знаю, и никогда не спрашивал, почему он возвращается с синяками и сбитыми костяшками.

Вернувшись, мы обнаружили двух незнакомцев, стоящих напротив привязанного к стулу папы, и лежащую на полу маму.

Они убили его в ту же секунду, как мы вошли.

И теперь мы снова в бегах, и я даже толком не знаю почему. Ещё один вопрос, который я уже никогда не смогу им задать. Их больше нет, и все их планы, все ответы канули в Лету вместе с ними.

На секунду меня охватили обида и злость. На родителей. На их секреты. Если бы они рассказали мне правду, я бы не

сидел сейчас здесь, в гостинице, управляемой так называемыми экстрасенсами. Я бы не думал о том, что больше никогда не услышу, как папа поёт, разбирая выстиранное бельё, и больше никогда не увижу, как мама со слипшимися от смазки рыжими прядями ковыряется под капотом старого «Чарджера».

И мне захотелось кричать, пока не охрипну.

Но я засунул эти чувства глубоко внутрь, чтобы они меня не отвлекали. Я должен быть сильным, если хочу найти ответы. А я их получу так или иначе.

Мне просто не хотелось делать это одному. Где Лиам? Перед тем как погнаться за убийцами, он пообещал, что встретит меня здесь, а он ещё никогда не нарушал своих обещаний.

Я застегнул дорожную сумку и надел на шею мамин кулон. Лучше спуститься и подождать Лиама внизу, так я, по крайней мере, сразу его увижу.

Подхватив куртку, я открыл дверь и вышел в коридор... и наткнулся на Анну.

Моя рука коснулась её, и Анна повалилась спиной назад – но стоящий в углу стул резво метнулся к ней, не дав ей упасть. Я вытаращился на него и тупо сказал:

– Стул сдвинулся сам собой. Анна?

Она не отвечала, просто смотрела, как в трансе, на стену, и зрачки у неё стали во всю радужку.

– Анна, что с тобой? – забеспокоился я.

В следующую секунду она моргнула, медленно, как сова,
и сказала:

– Ты мальчик из моего видения.

Глава 3

Анна

Видение так и осталось смазанным, я не смогла разглядеть лица, но узнала интерьер. Увидеть смерть родителей Колина

его глазами оказалось гораздо страшнее. Моё сердце разрывалось от горя, и я снова и снова напоминала себе, что эта боль не моя, что мои родители живы.

Какова вероятность, что я повстречаю убийцу и мальчика из одного видения в течение каких-то суток?

Я потрясла головой, приводя себя в чувство, и села на стуле ровно.

– Зачем кому-то понадобилось убивать твоих родителей?

Колин прижал к груди куртку, будто боялся, что она попробует сбежать. Он выглядел потерянным, и я только сейчас осознала, что он еле стоит на ногах от усталости, а чёрным синякам под его глазами позавидовал бы любой енот.

Я поморщилась, ругая себя за бестактный вопрос. Не говоря уж о том, что мне в принципе не стоило совать нос не в своё дело. Но было уже поздно.

– У меня... э-эм... было видение, – осторожно начала я, прекрасно понимая, что Колин относится к тому типу людей, кто считает экстрасенсов шарлатанами. Если мне не удастся расположить его к себе, он может...

Колин шумно выдохнул и быстрым шагом прошёл мимо меня.

– Эй! – я вскочила и поспешила за ним.

Он не затормозил, а в конце коридора свернул не туда. Нагнав его, я предприняла новую попытку:

– Слушай, ты явно приехал сюда не просто так, и что-то мне подсказывает, что это как-то связано с твоими родите-

лями.

Он ускорил шаг, вынудив меня практически перейти на бег, чтобы не отстать.

– В Уике случайностей не бывает, Колин! – не сдавалась я.

Он опять свернул. Мы были уже почти в передней части дома, но до нужной ему лестницы было ещё далеко.

– Я знаю, кто их убил!

Колин замер.

У меня округлились глаза от собственных слов. От собственной лжи. Потому что на самом деле я не видела лиц тех мужчин и не знаю, кто они такие, но я могу это выяснить. Если Колин мне позволит. Вместе мы можем найти убийц его родителей, и тогда я всем докажу, что мои силы на что-то годятся.

– Колин, – мягко позвала я.

Он повернулся и уставился на меня, продолжая прижимать к груди куртку. Я не хотела на него давить, но мне необходимо было знать.

– Ты приехал сюда не просто так, – повторила я. – Почему ты сюда приехал?

Он сделал долгий судорожный вдох:

– Откуда ты знаешь о моих родителях?

Я ожидала вопросов. Все наши постояльцы их задают.

– К нам приезжают три типа людей. – Я показала ему раскрытую ладонь и начала загибать пальцы. – Туристы, которые не заметят ловушки, даже если ухнут в неё с головой,

те, кто задерживается на наших вечеринках, даже когда уже давно пора расходиться, и люди вроде тебя. Ищущие ответы.

– И у тебя они есть? – спросил он.

Я вскинула бровь – эту привычку я переняла у тёти Элейн. Только бы не выглядеть при этом так же глупо, как она.

– Я могу попытаться их найти, но тебе придётся рассказать мне все подробности.

Колин напрягся, как перекрученная пружина. Его трудно было винить: он потерял родителей и был совершенно один. Одно неверное слово – и его и след простынет.

Мне нужно проявить крайнюю осторожность. Если он уйдёт, я никогда не узнаю, что произошло, мой единственный шанс помочь кому-то своей силой будет упущен, убийца останется на свободе, а Колин, вероятно, так и не узнает всей правды.

– Если ты хочешь найти ответы, тебе придётся смириться с тем, что не всё в мире поддаётся рациональному объяснению. – Я улыбнулась – надеюсь, ободряюще. – Иначе никак.

– Я ничего не понимаю... – его голос дрогнул. – Я не понимаю, почему мой брат отправил меня сюда и откуда тебе известно, что стало с моими родителями!

Я поморщилась. Серьёзные разговоры – это не ко мне. Кара постоянно твердит, что мой мозг не поспевает за языком. По этой же причине родители перевели меня на домашнее обучение и по этой же причине даже в Уике, городе, знаменитом своими странностями, я считаюсь чудачкой, с которой

никто не желает общаться, кроме кота и дома.

К тому же я вечно говорю не то, что нужно.

Я лихорадочно подыскивала правильные слова, которые помогли бы объяснить происходящее, но при этом не обидели бы и не рассердили Колина.

– Моя способность называется психометрия, – начала я. – Когда я касаюсь кого-то, видевшего смерть, я вижу и чувствую всё, что этот человек видел и чувствовал в тот момент. Вчера вечером у нас была вечеринка, и я столкнулась с кем-то и увидела то же самое, что увидела, когда коснулась тебя. Это значит, один из убийц твоих родителей был вчера здесь. Я не видела лиц, но я могу помочь тебе выяснить, кто они.

– Как такое возможно? – пробормотал Колин.

Я медленно приблизилась к нему, будто к пугливому блуждающему огоньку:

– Я не знаю. Магия всегда была частью моей жизни. Иногда я забываю, что для других это не так.

Не только магия, но и смерть, и монстры. Люди со всего мира приезжают в «Рэйвенфолл» в поисках ответов, а половина друзей моих родителей даже не люди. Уик весь пропитан магией, она буквально в воздухе, в деревьях, и не важно, что далеко не все способны это чувствовать.

Обычно я не заостряю внимание на реакции посетителей: пусть сами решают, верить мне или нет. Но не в этот раз.

– Это не фокусы, Колин, – сказала я. – Магия реальна, и мы с её помощью можем узнать, что случилось с твоими

родителями.

Но он продолжал молча смотреть на меня, и мой воздушный шарик надежды начал сдуваться. Я о многом его просила: поверить в магию, довериться незнакомым людям, рассказать о своих родителях. Но я мечтала помогать людям, поэтому мне так нравилось работать в нашей гостинице.

Нужно лишь убедить его позволить мне это сделать.

– Ты правда можешь помочь? – нерешительно спросил он. – Я не могу пойти в полицию, брат взял с меня слово. Сказал, что они не поймут.

– Он прав. – Моя семья один раз попыталась обратиться в полицию, когда вампир устроил в нашей округе массовую охоту. Полицейские всё испортили, и в итоге нас записали в сумасшедшие. – Когда я врезалась вчера в того человека, что-то помешало моему видению, я увидела всё смазанным, поэтому не узнала тебя. Такое бывает, только когда в деле замешана магия, а наша семья в ней спец.

Колин сосредоточенно всматривался в меня, как зритель, пытающийся разгадать тайну фокусника, и я показала ему свои ладони: у меня в рукавах ничего не было припрятано.

– Ладно, – наконец сказал он, опуская куртку. – С чего начнём?

Я с облегчением выдохнула и улыбнулась:

– Начнём мы с того, что вернём всё лишнее в твою комнату. – Я призывно протянула руки, и он нехотя отдал мне куртку. Открыв крышку ближайшего бельесброа, я швыр-

нула её внутрь под его возмущённый вопль. – Не волнуйся! Дом доставит её в твою комнату.

– Дом?!

– Шаг первый! – я подняла указательный палец. – Прими странности как данность.

Колин взлохматил себе волосы – похоже, он уже сожалел о своём решении. Но затем его желудок заурчал, да так громко, что мы оба услышали, и у него моментально покраснели уши.

– А можно, чтобы вторым шагом был обед?

Макс ждал нас наверху лестницы. Хвост трубой, он бросился к Колину и завертелся вокруг его ног, пока я завершала свою речь о «Рэйвенфолле».

Колин посмотрел на него с подозрением:

– Правильно ли я понимаю: этот кот – на самом деле не кот, дом живой, и все в твоей семье настоящие экстрасенсы?

– Верно. – Я подхватила Макса. – Он бармаглот. Они охраняют Завесу между нашим и Потусторонним мирами и помогают духам перейти на ту сторону.

Колин наклонился к Макс, чтобы разглядеть его вблизи, и тот сразу же ткнул лапой ему в нос.

– А ещё он гигантская заноза в одном месте.

Макс демонстративно махнул хвостом, намекая, что пора ужинать.

– Все бармаглоты принимают образ котов? – спросил Колин, рассеянно потирая нос.

Я фыркнула:

– Макс бы сказал, что должны, но нет – они могут принимать самые разные образы.

– А дом?

Я первой спустилась по лестнице в вестибюль.

– Лес Холлоуторн позади дома является мощным источником магии, потому что Завеса в этих местах очень тонкая, а оригинальный дом был построен из его деревьев. Даже нам мало что известно о его магии.

Мы влились в тоненький поток посетителей, направляющихся по коридору в бальный зал. Одна из них, заметив Макса, отметила вслух, какой он хорошенький, и тот горделиво приосанился.

– А твоя семья? – спросил Колин. – Они все... видят смерть?

Я помотала головой:

– У нас всех разные силы. Кроме моего папы – он обычный человек. Ну, типа того. Он охотник за реликвиями, всякими магическими артефактами. Он сейчас в одной из своих экспедиций.

Своей способностью я обязана ирландским корням Нору, но папины еврейские родственники тоже обладают своей особой магией, хотя я уже давно с ними не виделась. Последнее моё воспоминание о них – как они приехали в октябре, когда я была ещё совсем маленькой, и мы построили во дворе шалаш и ели халу, традиционный еврейский сладкий хлеб, макая его в мёд. Мы точно что-то праздновали, но когда я позже спросила об этом папу, он не пожелал объяснить.

Папа вообще о многом предпочитает не распространяться. Например, почему он никогда не отвечает на звонки своей родни. Или почему пропадает месяцами в своих экспедициях, оставляя Нору управлять гостиницей в одиночестве. Но по возвращении он всегда дарит мне новую забавную футболку и ночами напролёт рассказывает разные истории. Если бы только он ещё подольше оставался дома.

Я покосилась на Колина. С его бледной кожей, тёмными волосами и удивительно яркими глазами он был из тех симпатичных ребят, из-за которых Кара постоянно меня дразнила, пока я не огорошила её заявлением, что меня не интересуют – и никогда не будут интересовать – любовь и отношения. Что же касается Колина, то он, несмотря на перво-

начальный шок, держался молодцом. Кажется, он даже начал мне верить – ну хотя бы был готов меня выслушать, чего нельзя сказать о большинстве тех, с кем мне приходилось общаться.

Оставалось надеяться, что ужин это закрепит и после него мы приступим к поиску ответов.

Колин повернулся к входной двери и замедлил шаг.

– Ты кого-то ждёшь? – спросила я.

– Брата. Он должен был встретить меня здесь... Он погнался за теми мужчинами... которые были в нашем номере.

Иными словами – убийцами.

– Уверена, с ним всё в порядке, – сказала я. – Уик порой не так просто найти. Но дом сообщит нам о новых постояльцах, пока мы будем обедать.

Стена рядом с нами согласно хрустнула, и этого оказалось достаточно, чтобы отвлечь Колина, который вытаращился на неё разинув рот.

Войдя в бальный зал, мы окунулись в царящий здесь гомон множества голосов и витающие в воздухе запахи еды. Люди с полными тарелками всевозможных вкусов с фуршетных столов – спасибо дому – рассаживались за круглыми столами. Нора сидела за нашим семейным столом у дальней стены, большую часть которой занимало огромное, от пола до потолка, окно. Сегодня дом решил покрыть его изморозью, оставив небольшие островки прозрачного стекла в форме тыкв и падающих листьев. По всему залу висели

маленькие хрустальные лампочки, имитирующие блуждающие огни.

Я взяла Макса на руки и улыбнулась Колину:

– Помни, что я тебе сказала: принимай все странности как данность.

Глава 4

Колин

Я никогда не видел столько угощений сразу.
Мой желудок заурчал в предвкушении чего-то, кроме за-

мороженой пиццы и блюд с доставкой на дом. Перед тем как мы пустились в бега, папа каждый день экспериментировал с рецептами на ужин, а мама готовила десерт. Я скучал по их стряпне почти так же сильно, как по ним самим.

Бальный зал поражал не меньше раскинувшегося здесь пира. В одном углу на маленькой сцене трое музыкантов играли традиционную ирландскую мелодию. Рядом с ними был бар, за которым на стене висел огромный железный ворон с раскинутыми крыльями. Поворачивая голову из стороны в сторону, он наблюдал за сотней диспенсеров с разноцветными напитками, которые гости наливали себе сами.

Я обогнул женщину со стаканом пенящейся газировки цвета жжёного сахара. Как и парадная лестница в вестибюле, этот зал вызывал ассоциации со старинными замками, и горящие факелы в железных держателях вдоль стен только подчёркивали это. На моих глазах одно пламя подпрыгнуло, приняло форму каскада из падающих листьев и снова как ни в чём не бывало затрещало на факеле.

Анна ухмыльнулась, увидев ошарашенное выражение моего лица, и кивнула на гостей:

– Они все думают, что это такое световое шоу.

Так, с открытым ртом, я и подошёл к длинному столу, за которым сидела одна пожилая женщина. Она была бы копией Анны, если бы не светлая кожа и россыпь веснушек на переносице.

– Колин, это моя мама, Нора Баллинкей, – представила

Анна.

– Здравствуйте, миссис Баллинкей. – Я пожал ей руку, глядя прямо в глаза и стараясь предстать образцом вежливости. К вежливым детям меньше пристают с вопросами вроде «Почему ты один?».

– Добро пожаловать в «Рэйвенфолл», Колин, – улыбнулась она. – Можешь звать меня Нора. Кто-нибудь уже осмотрел твоё плечо?

Моя рука рефлексивно метнулась к порезу. Я не ожидал этого вопроса и не сразу нашёлся с ответом, но меня выручила Анна:

– Это Колина я видела в своём видении.

Нора осуждающе нахмурилась, и Анна, явно почуяв нагоняй, поставила Макса на стол и повернулась ко мне:

– Фуршетные столы там. – И первой нырнула в толпу.

Вернулись мы через несколько минут: я – с двумя доверху наполненными тарелками и без остановки выводящим урчащие рулады животом. Анна тоже положила себе с горкой всякой еды, а затем принялась составлять из неё совершенно гремучие сочетания. Так, она порезала кусочек стейка на крошечные кубики – Макс отточенным движением когтя стянул несколько, – а потом смешала картофельное пюре с кукурузой.

– Я понимаю, что вы экстрасенсы, а не ведьмы, но не кажется ли вам, что чёрный кот – это несколько банально? – спросил я, когда Макс смахнул со стола вилку.

– Я пыталась ему это объяснить, но ему хоть бы что, – отозвалась Анна, намазывая пюре с кукурузой на булочку. – Он ужасно упрямый. Как вся наша семья.

Я не стал уточнять, вспомнив её наказ принимать всё странное как данность. На данный момент странности ограничивались разумным домом, котом-шутником и девочкой, способной видеть смерть. Что дальше?

Внезапно Нора прижала ладонь ко лбу, её лицо страдальчески скривилось, но потом она выдохнула и пробормотала:
– Наконец-то.

Спросить, что она имела в виду, я не успел: толпа расступилась, пропуская высокую женщину с пышной фигурой.

– Тётя Элейн! – Анна вскочила и бросилась ей навстречу.

– Анна! – Женщина сжала её в объятиях. Её чёрные волосы были уложены в высокий узел, бледные руки покрыты татуировками. В ней было что-то неуловимо уютное, такие люди успокаивают всех одним своим присутствием.

– Ты же собиралась приехать в начале месяца, – сказала Нора, когда Элейн отпустила Анну.

– Подумаешь, немного припозднилась, – отмахнулась Элейн. – Стояла такая чудная погода: холодная и дождливая, как я люблю. Нет ничего лучше ирландской осени.

Нора неопределённо хмыкнула, что прозвучало, на мой взгляд, как «конечно, откуда ж мне знать».

Анна снова села и наклонилась ко мне:

– Сын тёти Элейн живёт в Дублине, и она постоянно ез-

дит туда-сюда. А Нора слишком занята гостиницей, чтобы путешествовать.

Зелёные глаза Элейн остановились на мне, и она удивлённо моргнула:

– Анна, откуда ты знаешь сына Найла и Бриджет?

При звуках имён моих родителей моя вилка со звоном упала на тарелку. Из ступора меня вывел голос Анны.

– Вообще-то пялиться неприлично, – сказала она, но обращалась не ко мне, а к своей маме: Нора пристально вглядывалась в меня, будто искала знакомые черты.

Я постарался стереть с лица глупое выражение.

– Вы знали моих родителей? – Сердце словно выпало у меня из груди и стучало по желудку, как мелочь в кармане.

Элейн заправила в узел выбившуюся чёрную прядь и хрипло сказала:

– О да. Твоя мама выросла в Уике, и они с твоим отцом часто бывали в «Рэйвенфолле». Мы много времени проводили вместе, пока они не перестали останавливаться у нас лет восемнадцать назад. Как они тогда сказали, «хотим отдохнуть от магического мира» – да, Нора?

Нора не сводила с меня глаз.

– Да, из-за рождения их первого сына, – напряжённым голосом ответила она, и что-то мне подсказывало, что это лишь часть правды.

Я взглянул на Анну, но она тоже выглядела растерянной. Я даже немного обрадовался, что в кои-то веки для неё тоже

что-то стало неожиданностью.

Элейн села на стул напротив меня:

– Как они, кстати? Столько лет прошло.

У меня комок встал в горле, а от вида еды на тарелке резко затошнило. Уже который день я отгонял правду о случившемся на самый край сознания, не давал ей воли, потому что лишь так я мог её контролировать. Но произнеся её вслух...

Музыка и гомон разговоров отдалились, я словно оказался под водой.

– Они погибли, – наконец прошептал я. – Их убили несколько дней назад.

Рот Элейн открылся в виде буквы «О», а затем она резко повернулась к Норе:

– Ты не знала?

– Их прикрывали мощнейшие чары! – воскликнула Нора. – Я не... Я не могла... – Она чуть выпятила подбородок. – Они не хотели, чтобы их нашли, Элейн. Особенно мы.

Элейн спрятала лицо в ладонях.

– Всё равно – как получилось, что мы не знали об их смерти?!

– Мы ничего о них не знали последние восемнадцать лет. – Голос Норы дрогнул, и я понял, что она тоже, как и я, изо всех сил сдерживает слёзы. – Мы ничего не могли сделать. Ничего, что бы они... – Она осеклась, покосившись на меня.

Элейн тихо чертыхнулась и прижала пальцы к вискам:

– Прошло восемнадцать лет, Нора. Всё давным-давно быльём поросло.

Они продолжили обмениваться мало что значащими для меня фразами, но я их почти не слышал. От этого разговора о моих родителях у меня всё поплыло перед глазами, стены зала начали сужаться, от шума и обилия запахов голову будто сжало в тисках. Анна пыталась вмешаться, но взрослые не обращали на неё внимания.

Голоса становились всё громче, я почти уверился, что комната на самом деле кружится.

Воздух рассёк громкий свист. Все резко притихли и с удивлённым видом повернулись в нашу сторону. Анна вынула пальцы изо рта. Элейн поджала губы и укоризненно сказала:

– Я же просила Роя не учить тебя этому.

Анна на неё даже не взглянула.

– Может, кто-нибудь объяснит нам, что происходит?

Элейн внезапно страшно заинтересовалась татуировкой черепа на своём предплечье.

Нора сделала глубокий успокаивающий вдох и помахала гостям:

– Беспокоиться не о чем! – Она повернулась ко мне: – Как ты здесь оказался?

– Родители всегда говорили мне приехать сюда, если мы вдруг разминёмся, – ответил я. – Брат погнался за их убийцами. Он должен был встретить меня здесь.

Нора слегка нахмурилась и кивнула:

– Уверена, он скоро будет. Твоя комната в полном твоём распоряжении, сколько бы ни потребовалось.

– У меня нет с собой наличных... – начал я, но она подняла руку, останавливая меня.

– Платить не нужно. Твои родители были нашими близкими друзьями. – Она положила руку мне на плечо. – Ты здесь в безопасности.

Я хотел что-нибудь сказать, но меня в одночасье накрыла невыносимая усталость. Я и не представлял, как важно мне было это услышать, хотя от других её слов у меня голова шла кругом. Родители хотели отдохнуть от магического мира? Что это значит? И при чём тут рождение Лиама?

Элейн поднялась из-за стола:

– Я знаю, что тебе нужно.

Я проводил её взглядом, пока она не скрылась в толпе. Хотелось бы мне быть хоть в чём-то столь же уверенным. Родители почти никогда не говорили о прошлом, хотя Лиам упоминал, что раньше они жили в Орегоне. Пока мы не бросились в бега, я ходил в школу, занимался лёгкой атлетикой, общался с друзьями – всё как у всех. Если они действительно были связаны с чем-то магическим, они умело это скрывали.

Почему-то я совершенно не удивился, обнаружив ещё одну семейную тайну. Вся моя жизнь, похоже, только из них и состояла.

– Как она узнала, кто я? – спросил я Анну. Мне нужно по-

лучить хотя бы один ответ на свои многочисленные вопросы.

– Элейн видит ауру и может говорить с духами. У родственников обычно схожие энергетические отпечатки: думаю, она просто узнала твой.

Передо мной появился большой стакан газировки.

– Пей! – Элейн хлопнула меня по плечу и вернулась на свой стул с кружкой чего-то в руке. Я взглянул на предложенный напиток, пытаюсь понять, что это – лимонад или яблочный сок.

Анна наклонилась ко мне:

– Это загадай-сидр. Он примет любой вкус – какой пожелаешь. Мы даём его только тем гостям, кто знает о магии. Что бы ты сейчас хотел попробовать?

– Овсяных ирисок, – с сомнением ответил я и поднёс стакан ко рту. Напиток был густой и мягкий, а вкус – точь-в-точь как овсяные кексы с ирисками, какие готовила мама. Но ещё это был вкус домашнего уюта и счастья. Я с трудом удержался, чтобы не выдуть всю газировку залпом – так хотелось заполнить эту звенящую пустоту в груди.

Анна протянула Элейн свой стакан и мягко предложила:

– За давно и недавно почивших.

– И пусть их вечный сон ничто не тревожит, – серьёзно добавила Элейн, и они, чокнувшись краешками стаканов, а затем доньшками, сделали по глотку.

«Панегирик, – рассеянно подумал я. – Произнесённые или написанные похвальные слова, часто в честь недавно

умершего».

Затем до меня с запозданием дошёл смысл сказанного, и я вспомнил:

– Я уже это слышал. Мои родители тоже так говорили.

– Логично, раз они были частью магического сообщества, – заметила Анна. – Мы говорим так в честь умерших с надеждой на тихий Самайн. – Она протянула мне свой стакан. – За твоих родителей.

Что-то внутри меня болезненно сжалось. Мои родители наверняка любили этот дом, полный музыки, людей и еды. Они всегда чувствовали себя в подобной обстановке как рыба в воде – до того, как всему этому пришёл конец. Мы с Лиамом тяжело переживали бесконечные переезды, но на них это тоже сказывалось. Их жизнь тоже изменилась.

Затянувшийся было узел в моей груди слегка ослаб. Так или иначе, но я найду ответы на все вопросы, а пока буду наслаждаться моментом – они бы этого для меня хотели.

У меня ушла секунда, чтобы заставить мышцы работать, но потом я поднял стакан и чокнулся с ней.

– За моих родителей, – согласился я.

И тут кто-то закричал.

Глава 5

Колин

Я развернулся на звук, но Анна лишь вздохнула:
– Опять начинается.
– Для вас это нормально? – спросил я.

– Да это, скорее всего, Макс опять пристал к кому-нибудь из посетителей, – пояснила она, но её прервал второй крик, за которым последовал третий.

Дом застонал, как под сильным ветром, лампочки мигнули. Нора и Элейн вскочили и бросились успокаивать гостей.

– О нет! – распахнула глаза Анна. По её лицу разлилась ничем не прикрытая паника, и внезапно до меня дошло, что происходит что-то действительно из ряда вон выходящее.

В бальном зале начался хаос. Гости бросились кто в коридор, кто во двор. Я инстинктивно встал перед Анной, загородив её от возможной угрозы.

– В чём де... – я оборвал себя на полуслове, осознав, на что именно смотрю.

Мужчина в синем кардигане парил в двух дюймах над полом, наполовину погрузившись *в стену*. Ещё один, в чёрном погребальном костюме и со сквозной дырой в груди, прошёл сквозь одного из посетителей, будто того вообще не было. Оба излучали яркое серебристое сияние.

– Анна, – спросил я как можно спокойнее, – они... мёртвые?

Она натянуто улыбнулась:

– Типа того.

Я больше склонялся к «однозначно».

– Макс! – позвала Нора.

Кот спрыгнул со стола и беззвучно приземлился на пол. Его тело пошло рябью, как воздух над горячей поверхно-

стью, плечи стали шире, лапы – крупнее и длиннее, соответствуя распухающему туловищу. На спине проступили шишки позвонков, а вдоль вытянувшегося хвоста выросли шипы.

Там, где секунду назад был кот, теперь стояло огромное существо с телом из тугих мускулов, квадратной мордой и крупной угловатой головой. Он расправил гигантские драконьи крылья и оскалился, показав мощные клыки.

– Что за... – вырвалось у меня, и как же я жалел в ту секунду, что это максимум, на что я был способен – двигать языком. От меня оказалось толку не больше, чем от мокрого одеяла.

– Бармаглот, – напомнила Анна и оттащила меня вбок, подальше от прозрачного мужчины, который прошёл сквозь наш стол. Появление Макса её явно успокоило.

Макс стал почти полностью прозрачным, обратившись серебристым силуэтом, и преградил духу дорогу. Когда они соприкоснулись, по телу Макса снова пробежала рябь, и он поглотил его, как пруд каплю дождя.

А потом закружил по залу, собирая остальных духов.

Я всё ждал, что мне станет страшно. Слушая объяснения Анны, как работают её силы, я чувствовал себя как в машине, съезжающей по склону, когда желудок поднимается к горлу. Потому что, как бы абсурдно ни звучали её слова, я ей верил. Загадай-сидр и летающие по дому привидения убедили меня, что всё это реально, но вместо страха и волнения меня обуяло любопытство.

– Когда всё это закончится, у меня будет к тебе сто-о-оль-ко вопросов, – пригрозил я.

Анна как-то странно на меня посмотрела – со смесью приятного удивления и предвкушения, а потом побледнела.

Я обернулся, чтобы узнать, на что она смотрит у меня за спиной, – и остолбенел.

К нам приближались серебристые полупрозрачные тени моих родителей. Всегда улыбчивое лицо мамы потеряло все краски и эмоции, яркие серые глаза папы потускнели и остекленели. У обоих на горле были жуткие фиолетовые отпечатки ладоней.

Анна потянула меня за руку, но я не сдвинулся. Она потянула снова:

– Колин, не смотри!

Но я не мог оторвать от них глаз. Их головы болтались, как на шарнирах, и меня замутило.

– Они мертвы, – голос у меня сорвался.

Они остановились перед нами. Моя рука, дрожа, будто сама собой потянулась к папе, но пальцы вошли прямо в него, и я ощутил лишь лёгкую прохладу.

Его рот беззвучно открывался и закрывался.

– Что это? – Я с трудом сглотнул. – Чего они от вас хотели? Почему они... – Договорить я не смог.

– Почему они вас убили? – спросила Анна вместо меня. Взгляд мамы сместился на неё. – Почему вы здесь?

Их призрачные фигуры мигнули, как плохо закрученные

лампочки.

– Береги его, – хрипло прошептала мама. – Они идут.

И они растворились в воздухе.

Я не моргая смотрел в пространство, где они только что были, пока Анна не положила руку мне на предплечье, и я вздрогнул, потому что почти забыл о её существовании.

– Ты как? – спросила она.

Помотав головой, я рухнул на стул и закрыл лицо ладонями. Но перед глазами продолжали стоять пустые лица родителей.

– Колин, – ласково позвала Анна. Я слегка развёл пальцы и взглянул на неё. – Всё будет хорошо.

– Почему тебя снова не посетило видение? – спросил я.

– Я вижу их только раз, – пояснила она.

Не знаю почему, но её слова привели меня в чувство, и я осознал, чего хочу на самом деле: получить ответы. Все эти сверхъестественные моменты меня не пугали – меня сводил с ума тот рой вопросов, которые они порождали.

Я выпрямился, и Анна убрала руку. Привидений в зале не осталось, и Элейн с Норой переходили от одного гостя к другому, успокаивая их. Макс вернулся в кошачье обличье и сидел, вылизывая переднюю лапу.

– Вам понравилось представление? – осведомилась Нора у молодой пары. Вопрос был явно отрепетирован: всего лишь представление, не о чем волноваться. И это работало. А как же иначе? Ведь тогда им бы пришлось поверить в призраков.

– Что это было? – спросил я. – Почему мои родители оказались здесь?

Анна смущённо отвела глаза и неохотно пояснила:

– Привидения в Уике – обычное дело. И чем ближе Самайн, тем проще им преодолеть Завесу. Время от времени один вот так появляется, и мы списываем всё на световую проекцию, но даже здесь подобный поток призраков – это странно, и...

– И что? – поторопил я.

– Ну, когда люди умирают насильственной смертью, они иногда застревают в нашем мире: их удерживают здесь незавершённые дела.

Мои руки на коленях сжались в кулаки.

– Родители хотели меня о чём-то предупредить. Получается, их незавершённое дело – я? И они не упокоятся, пока это – чем бы «это» ни было – не закончится?

– Не знаю, – извиняющимся тоном сказала она. – Сначала я увидела блуждающий огонёк, хотя до Самайна ещё далеко и раньше такого никогда не было, а теперь это... Происходит что-то нехорошее, Колин. Мёртвые должны оставаться мёртвыми.

Я непроизвольно дёрнулся, и она, опомнившись, прижала ладонь ко лбу:

– Прости, я не имела в виду, что... Прости. Давай я проведу тебя до твоей комнаты.

Всю дорогу я молчал, погружённый в свои мысли, снова

и снова прокручивая увиденное в бальном зале. Лишь остановившись у двери своей комнаты, я вспомнил, что дом не сообщал нам о прибытии новых гостей.

– Лиам... – начал я, но Анна помотала головой:

– Дом бы дал знать.

Я посмотрел в конец коридора, откуда мы пришли, будто Лиам мог возникнуть там прямо из воздуха. Где он застрял? Если он нагнал тех мужчин и сдал их в полицию, он бы уже добрался сюда, верно? Если только он всё ещё их не высслеживает. Или... Я отогнал эту мысль, прежде чем она сумела сформироваться. Лиам не даст себя в обиду. И не оставит меня одного. Он обещал, что приедет сюда, и я не мог подвергать это сомнению.

А до того момента моей задачей был поиск ответов.

Глава 6

Анна

Ранним утром следующего дня я едва успела принять душ и одеться, когда в дверь моей комнаты постучали. Солнце только взошло, и вот вам одно из главных неудобств жизни

в «Рэйвенфолле»: суббота – единственный день, когда у меня нет никаких дел по хозяйству, не считая помощи гостям, если потребуется, и я могла поспать подольше. Хотя вскоре к ней подтянется воскресенье, раз тётя Элейн вернулась, а следом за ней должен приехать дядя Рой.

Чувствуя, как свитер становится влажным под непросущенными волосами, я открыла дверь и увидела Колина. На нём были тёмные джинсы и чёрная фланелевая рубашка. Рядом с ним сидел Макс.

Вчера вечером Колин был подавлен и молчалив и ушёл спать, не пожелав никому спокойной ночи, и я бы не удивилась, если бы он больше не захотел со мной общаться. На него свалилась куча всего, а я сделала только хуже. Вспоминая, сколько бестактностей я ему наговорила, я поклялась себе, что сегодня такого не повторится.

Колин взглянул на кота:

– Я вчера запер дверь, но утром обнаружил его на своей подушке.

– Он настойчив.

– Он... бармаглот? – с ноткой неуверенности произнёс Колин.

– Ты запомнил, – улыбнулась. – Бабушка говорит, они жутко древние, как сама Завеса, и возможно, их и создали для того, чтобы её охранять и помогать поддерживать баланс между жизнью и смертью. Поэтому Макс помогает духам перейти на другую сторону. Он и сам в каком-то смысле дух!

Лицо Колина прояснилось.

– Ты уже упоминала Завесу. Что это такое?

Вернувшись в комнату, я взяла висящее на спинке стула полотенце и стала отжимать волосы.

– Это то, что отделяет наш мир от Потустороннего, где обитают духи. «Рэйвенфолл» находится в слабой точке Завесы, поэтому для всего паранормального здесь как мёдом намазано.

– Как вал, – сказал он. И в ответ на мой вопросительный взгляд пояснил: – Это такие защитные укрепления вокруг замка. – Он махнул рукой, обозначая дом. – Как это место.

Дом довольно заворчал.

Колин обвёл взглядом мою комнату, задержавшись на коллекции подставок для благовоний (моя любимая – в виде обвивающего замок дракона) и постерах фильмов, которые я никогда не видела. Дом ненавидел любую технику, да и у меня не было времени на просмотр телевизора, но мне всегда нравились постеры. Я тренировалась по ним в рисовании, о чём свидетельствовало множество лежащих под ними листов бумаги.

Колин внезапно погрузился, но прежде чем я успела спросить, в чём дело, он меня опередил:

– Почему ты не в школе? Сегодня пятница.

– Я на домашнем обучении. – Я пробовала ходить в обычную школу в третьем классе, но продержалась всего месяц, прославив «психичкой».

Не моя вина, что у них в столовой привидения.

– Я тоже, – сказал он. – Вроде как. Мы жили в Калифорнии, пока родителей не включили в программу защиты свидетелей и нам не пришлось постоянно переезжать. Они старались... – Не договорив, он устремил невидящий взгляд в пустоту. Со смерти его родителей прошли считанные дни, и я не представляю, каково ему сейчас.

– Программа защиты свидетелей? – спросила я. – Из-за чего?

– Это я и собираюсь выяснить. Думаю, это связано с теми, кто их убил. Я не хочу сидеть без дела, пока брат не придет. Я хочу узнать как можно больше о тех людях.

Пульс у меня возбуждённо ускорился, и я бросила полотенце на спинку стула, игнорируя недовольный скрип дома.

– Ладно, тогда давай по порядку. Твоя мама сказала вчера, что «они идут», то есть речь о минимум двоих. В моём видении убийц тоже было двое. А на самом деле?

Колин прислонился к косяку, не обращая внимания на трущегося о его ноги Макса.

– Да, двое мужчин.

– Ты что-нибудь о них помнишь? Потому что мне не удалось их разглядеть.

– Я... – Он задумчиво сдвинул брови. – Я вроде как помню того, кто на меня бросился, но второй, который... ну, ты знаешь, что он сделал. Самое странное то, что я смотрел прямо на него, но совершенно не помню его лица.

– Действительно странно, – нахмурилась я. – Единственное, что меня зацепило, так это что тот мужчина, чьими глазами я всё это наблюдала, вроде как подчинялся тому, второму. Думаю, он на него работает.

– Ему очень не понравилось, когда Лиам ранил второго, так что это похоже на правду, – согласился Колин. – Я хорошо запомнил, что на нём была форма с логотипом вот здесь, – он похлопал себя по груди.

Я выкопала из-под одеяла альбом для рисования:

– Можешь описать?

– Он был в виде круга или диска. – Он уставился в пространство, вспоминая. – И через него проходила надпись – она начиналась с «До» и заканчивалась на «о». – Я нарисовала круг, написала с одной стороны «До», с другой – «о». – И ещё он был весь покрыт короткими штрихами. Как рисуют дождь.

Я добавила их, изобразив нечто вроде конфетти, и показала ему. Его глаза засверкали.

– Да, очень похоже! Жаль, я не разобрал всю надпись.

– Можем поискать в Интернете, – сказала я, зардевшись от его похвалы. – Как только у меня волосы высохнут... Что? Он недоумённо моргнул.

– Волосы?

Я указала себе на голову:

– Первое правило обладателя кудрей: ни шагу за дверь с мокрой головой. Иначе причёска «я упала с сеновала» пока-

жется тебе цветочками.

Он поморщился от моей шутки.

– Ладно, – смирилась я, надевая коричневые тёплые носки с тыквами. – Но только потому, что ты нравишься Максу.

Однако стоило мне выйти вслед за ним в коридор, как снизу донёсся зов Норы:

– Анна? Анна, дела сами себя делать не будут!

Я насупилась. По всей видимости, прибытие Колина и импровизированное призрачное нашествие были для неё недостаточными причинами, чтобы освободить меня от бесконечного списка обязанностей по хозяйству. С другой стороны, Нора наверняка и глазом не моргнёт, даже если дом перевернётся на крышу и станцует джигу.

Макс покосился на меня и пулей умчался прочь, чтобы его тоже не припахали работать.

Вырвав из альбома страницу с рисунком, я протянула её Колину:

– Можешь сесть за компьютер в папином кабинете. А мне нужно сначала помочь по хозяйству.

Колин несколько секунд переводил взгляд с листа на меня и назад, что-то прикидывая.

– Я с тобой, – наконец решил он. – Потом вместе посмотрим.

Не дав ему шанса передумать, я сложила страницу и убрала в карман:

– Тогда идём!

Начали мы с поисков Роуз. Она обнаружилась в саду позади дома: на кованой скамейке с сиденьем из бледного дерева наполняла маленькие тканевые мешочки разными травами. Её эмпатические силы были уникальными в том смысле, что она могла считывать эмоции не только людей, но и цветов, деревьев и даже нашего дома, и именно поэтому она присматривала за растительностью на территории гостиницы. Что, на мой взгляд, нельзя было всерьёз считать обязанностью по хозяйству, потому что для неё это было в удовольствие.

Она приветливо махнула нам рукой ещё до того, как увидела, и не опустила руку, даже когда мы подошли, а повела её перед Колином, будто ощупывала стену.

– Согласна, – сказала она.

Колин моргнул:

– С чем?

Роуз взяла со скамейки горсть ярко-фиолетовых лепестков:

– Моя сестра кажется всегда такой уверенной в себе, что заряжает этой уверенностью всех вокруг, но готова спорить, ты и не подозреваешь, что под этой маской скрываются оголённые нервы и куча страхов – верно я говорю, Анна?

Я вспыхнула:

– Мы пришли за мешочками, Роуз, а не за чтением эмоций.

– Не нужно стесняться беспокойства, – она чуть улыбну-

лась и наклонилась так, что лежащие у неё на коленях мешочки посыпались нам в подставленные руки. Я немедленно потащила Колина назад в дом, прежде чем Роуз скажет ещё что-нибудь, от чего мне захочется провалиться под землю.

– Роуз считывает чужие эмоции, – пояснила я для него. – И поэтому часто понимает человека лучше, чем он сам себя.

Мы с Карой часто заключали пари, пытаюсь угадать, кто из посетителей Роуз уйдёт от неё в слезах. Когда человек сталкивается с подобным безоговорочным пониманием и принятием себя, с его души будто спадают кандалы, поэтому у Роуз так много постоянных клиентов.

– Зачем они? – спросил Колин, глядя на жёлто-зелёный мешочек.

– Для чар гламура, – ответила я, ведя его на второй этаж. – Мы кладём их в комнаты гостей, и если гости вдруг станут свидетелями чего-нибудь магического, чары заставят их думать, что они не увидели ничего сверхординарного. Конечно, если они *сами* не магические – тогда чары им не помеха! Или когда магия хочет, чтобы её увидели.

Мы принялись стучать в двери и менять мешочки в пустых комнатах. В преддверии Самайна наша гостиница всегда забита под завязку, и нам пришлось сбегать к Роуз за второй партией чар. Постояльцы прогуливались в саду, пили здесь чай за столиками и наблюдали за детьми, играющими в догонялки с Максом.

Когда мы вернулись в вестибюль, нас перехватил худой

мужчина:

– Юная леди, в моей комнате протекает труба.

– Что вы сделали? – спросила я.

– Простите? – выпрямился он.

– Что бы вы ни сделали, извинитесь перед домом. Это единственный выход.

Я протиснулась мимо него. Колин озадаченно посмотрел на меня:

– А если он не извинится?

Я пожала плечами:

– Чтобы так разозлить дом, нужно было с немалой силой стукнуть по стене кулаком. Ему ещё повезло, что он просто не провалился сквозь пол.

– Доброе утро, Анна, – поздоровался открывший нам дверь мистер Андраде, невысокий сальвадорец с добродушными морщинками вокруг глаз и у рта. Они с женой всегда гдатеи «Рэйвенфолла» каждый Самайн, хотя жили в центре города в квартире над семейным приютом для животных. Мистер Андраде был экстрасенсом, а его жена – перевёртышем из Ирландии, и ближе к празднику они предпочитали держаться рядом с гостиницей.

– Простите, мистер Андраде. – Я показала ему зачарованный мешочек в качестве объяснения. – Забыла, что это ваша комната.

Мистер Андраде кивнул на дверь напротив:

– Нужно положить один нашей соседке. Я слышал утром,

как она рассказывала кому-то по телефону, что ей приснился фантастический сон о чернильно-чёрной лошади с гривой из змей. – Он смущённо улыбнулся. – Боюсь, моей жене в полночь приспичило пуститься вскачь.

Я отсалютовала ему мешочком:

– Будет сделано.

Дверь закрылась, и Колин повернулся ко мне:

– Как вам удаётся всё это скрывать?

– Люди, владеющие магией, обычно очень осторожны, поэтому подобного рода ситуации довольно редки, – ответила я, стуча по створке напротив. Ответа не последовало, и дом впустил нас внутрь. – А даже если кто-то что-то этакое и увидит, этому найдётся какое-нибудь рациональное объяснение. Гораздо проще, чем поверить в привидения и монстров.

Колин нашёл старый мешочек за цветочным горшком и заменил его на новый.

– То есть проблем у вас особо-то и не бывает?

Я помотала головой:

– Если гламур на кого-то не действует и этот человек не стремится во что бы то ни стало найти всему логическое объяснение, обычно это означает, что он готов принять существование магии. Так что да.

Покончив с заменой мешочков, мы приступили к следующим заданиям: одним гостям объясняли, как добраться до города, какой ресторан выбрать и в какие магазины заглянуть, других провожали до гостиных к моей маме или тётке

Элейн, а третьим помогали с заселением. Мы также протёрли стол от рассыпавшейся пылицы фей и прогнали из сада не в меру ворчливого гнома. Дом тем временем занимался мелочёвкой: наводил порядок, менял постельное бельё и доставлял в комнаты багаж.

К тому моменту как солнце разогнало остатки утреннего тумана, мы пришли на кухню и начали помогать Норе носить еду в столовую для позднего завтрака, который мы устраивали по пятницам. Тётя Элейн, Роуз и Кара тоже подключились, потому что еды на фуршеты всегда готовилось много и втроём мы бы точно не справились. Конечно, дом бы прекрасно отнёс всё сам, но не так-то просто всем объяснить парящие в воздухе тарелки с яичницей и жареным беконом.

Сметя завтрак, я схватила Колина за руку и потащила за собой по боковому коридору, пока Нора не подкинула нам ещё работы. Отпустила я его, лишь когда мы зашли в папин кабинет. Это была тёмная уютная комната с камином из белого камня и переходящими в сводчатый потолок стенами, обитыми панелями из тёмного дерева и заставленными шкафами со всякой всячиной, что делало её похожей на соединение университетской библиотеки с логовом сороки.

– Мой папа – охотник за реликвиями, – напомнила я восхищённо озирающемуся Колину. – Он ищет магические артефакты. Некоторые привозит домой, хотя большинство в итоге оказываются вовсе не магическими. А ещё он любит возиться со всякими механизмами.

Я вдохнула полной грудью воздух, пахнувший древесиной – этот запах всегда ассоциировался у меня с папой, которого уже несколько месяцев не было дома. В своих экспедициях он колесит по всему миру, и почти всегда на них уходит много времени, но легче от этого не становится. Я рассеянно провела пальцами по надписи на своей футболке – «Шалом там же, где сердце» – одной из многих, которые он привёз мне за годы странствий, и надевая их, я всегда чувствую себя ближе к нему.

Обойдя стол, я села за папин компьютер. Колин наклонился к маленькому зеркалу между двумя золотыми столбиками, исписанными иудейскими буквами, затем принялся рассматривать со всех сторон реплику карманного дракона, полностью повторяющую оригинал – вплоть до последней радужной чешуйки.

Реплика ему подмигнула.

– Я даже не знаю, с чего начать, – посетовала я, достав рисунок, и ввела пароль на компьютере. Мои попытки загрузить в поиск описание рисунка вроде «круг, штрихи, До, о» очевидных результатов не принесли.

Колин встал рядом со мной:

– А если попробовать понять, что означают эти круг и штрихи? Например, «До о шиномонтаж».

Я послушалась, и поиск выдал нам адрес автомастерской в центре Уика, которая, если верить Каре, на самом деле был ширмой для магического нелегального бара, где подавали

напитки, создающие иллюзии. А Каре я бы верить не стала. К тому же их логотип был совсем не похож на рисунок.

– «До о поливалки»? – предложил Колин.

Мы снова и снова ломали голову, пытаясь понять, что могло означать сочетание точек со штрихами, но всё было бесполезно.

– Прости, Колин, – сказала я, когда он с пораженческим видом привалился к столу. – Мы обязательно всё выясним, но пока мне ещё нужно кое-что сделать по дому.

– Думаю, нам обоим не повредит перерыв, – заметил он. – Может, я ещё что-нибудь вспомню из логотипа.

Выйдя из кабинета, мы влились в поток гостей, разбредающих по комнатам после позднего завтрака.

– Неужели вы не наелись?

Я подняла глаза на мистера и миссис Андраде, но те смотрели на рисунок в моей руке. На наши с Колином недоумённые взгляды миссис Андраде пояснила тихим воздушным голосом:

– Это логотип «ДоДжо» – «Донатов Джо». Они раньше были в паре домов от нашего приюта, но переехали примерно год назад.

Мы с Колином переглянулись. У меня по спине пробежал холодок. Получается, один из убийц родителей Колина был из Уика, а это не могло быть совпадением.

Всё оказалось гораздо серьёзнее, чем мы думали.

Глава 7

Анна

– А «ДоДжо» было магическое заведение? – справившись с головокружением от неожиданного открытия, спросила я супругов.

Мистер Андраде помотал головой:

– Насколько я знаю, там работали только люди.

Поблагодарив их, мы с Колином ушли в начало лестницы.

– С чего работнику донатной пекарни нападать на людей? – спросила я.

Колин пожал плечами – и тут же просиял от внезапно пришедшей в голову мысли.

– Но зато мы теперь сможем больше о них узнать: у них наверняка есть сайт со страничкой персонала.

Я хлопнула в ладоши:

– Тем более что моя сестра Кара – компьютерный гений.

– И почему мы не попросили её с самого начала?! – возмутился Колин, нагоняя меня на ступеньках.

– Во-первых, потому, что даже Кара не может создать что-то из ничего, а во-вторых, это Кара, и я скорее попрошу о помощи гриндилоу.

– Кого?

– Водяного демона. Они топят детей, подошедших слишком близко к воде. Но будут есть у тебя из рук, если угостить их ягодами боярышника зимой... Что?

Колин лишь вздохнул:

– Твоя жизнь ещё более странная, чем моя.

Я ухмыльнулась.

Комната близнецов была от моей дальше по коридору, прямо перед высоким витражным окном с изображением древа жизни. У каждого члена нашей семьи была своя комната в «Рэйвенфолле», но только мы с близнецами и Норой

жили здесь постоянно. Тётя и дядя половину времени проводили в Ирландии, а бабушка жила над своей чайной.

Будь моя воля, я бы выбрала себе комнату как можно дальше от сестёр, но дом предпочитает, чтобы мы все жили рядом и отдельно от постояльцев. Надо же ему хоть как-то поддерживать иллюзию порядка в своей безумной планировке.

Из-за двери доносилась энергичная ирландская музыка, и я вошла в комнату, не постучавшись. Кара и так знала о нашем приближении.

– Доброе утро! – крикнула она, не поворачиваясь от компьютера.

Роуз лежала на животе на пушистом лавандовом коврикe и перебирала кусочки морского стекла. Она помахала нам рукой.

Комната близнецов была поделена ровно напополам, и одна часть напоминала магазин электроники, а другая – оранжерею. Вдоль стен у Кары выстроились компьютеры и мониторы, на экранах висели всевозможные списки, связанные с ежедневной деятельностью гостиницы, начиная с наличия свободных комнат и заканчивая бронью, а стол был завален клавиатурами, проводами и флешками. А всё свободное пространство половины Роуз было заставлено горшочками с яркими цветами и пучками трав, с потолка тоже свисали горшки с фенхелем и драгоценными камнями, которые папа всегда привозил ей из каждой экспедиции.

Я знала, что выходящее за все разумные рамки засилье техники в этой комнате страшно не нравится дому, но Кара категорически отказывалась уступать. Ей было уже восемнадцать, и эта их война с домом началась с момента её появления на свет.

– Привет, Колин, – кивнула Кара, ставя на стол латте. Я даже у двери могла уловить запах корицы. Она указала на фиолетовое мягкое кресло в углу. – Присаживайся. И – да, вам стоило обратиться ко мне с самого начала.

Колин взглянул на меня, и я поморщилась.

– Кара читает мысли. Но лишь те, что на поверхности! – добавила я, увидев, что он побледнел.

– Например, о чём ты думаешь прямо сейчас, – сказала Кара, перекидывая за спину копну светло-рыжих волос. Сегодня она вплела в них несколько стеклянных бусин в виде крошечных привидений. – Насчёт твоих родителей. Я уже открыла старый сайт «ДоДжо».

Пара кликов мышкой – и на большом настенном экране возник сайт донатной пекарни, уже открытый на странице персонала.

Я села на нижнюю половину их двухэтажной кровати. Роуз протянула мне проволочку и горсть стекла, и я принялась сплести их вместе. Стекляшки слегка вибрировали у меня в пальцах – должно быть, Дилара, подруга Роуз, заколдовала их на что-то. Скорее всего, они отправятся в сад, где будут отгонять кесилимов и привлекать блуждающие огни.

– Узнаёшь кого-нибудь? – Кара начала прокручивать страницу, и Колин подошёл ближе.

– Погоди, вот он! – Он ткнул пальцем в портрет мужчины по имени Кэйден Ричардс. Кара приблизила снимок: белый мужчина под сорок, с тяжёлыми верхними веками, почти закрывающими зелёные глаза, и чуть приоткрытым ртом, будто фотограф заснял его в момент зевка. Он выглядел совершенно безобидным.

– Можешь найти хоть что-нибудь, что бы объяснило, почему он помогал убийце моих родителей? – ровным голосом спросил Колин, но его руки были сжаты в кулаки.

– Попробую. – Пальцы Кары замелькали над клавиатурой со скоростью крыльев колибри.

В отличие от неё, я едва справлялась с тостером, поэтому наш компьютерный гений не уставал меня поражать. Конечно, её способность играла в этом определённую роль, ведь компьютеры и Интернет по сути своей представляют единый коллективный разум и телепату ориентироваться в нём намного проще.

Меня кольнула зависть при мысли, как здорово и легко ей это даётся – и Роуз тоже. Они всегда применяли свои силы на благо других. А что я? Я по глупости несколько раз сыпала Колину соль на рану, напоминая об убитых родителях, и даже мои интернет-потуги оказались тщетны.

Почувствовав, как Роуз подбадривающе похлопывает меня по ноге, я вымученно ей улыбнулась.

На экране возникла запись с камеры видеонаблюдения с профилем Кэйдена. Но меня удивило не это, а фон.

– Он в центре города! – Я отбросила проволочку в сторону.

– Что?! – воскликнул Колин.

Одновременно с ним Кара сказала:

– Это ещё не всё.

Она поставила запись на «паузу», прокрутила назад и приблизила лицо Кэйдена в тот момент, когда он на мгновение посмотрел прямо в объектив камеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.